

Е.И. Нестерова*

**Позиция России по Цзяньдаоскому
(Нанганскому) вопросу в конце XIX —
начале XX в. (по материалам Архива
внешней политики Российской империи)**

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу российской позиции в отношении территориального спора между Китаем и Кореей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Нанган, Цзяньдао, русско-китайские отношения, корейско-китайские отношения, территориальный спор.

Для конца XIX — начала XX в. характерно обострение борьбы за гегемонию в восточноазиатском регионе. Наряду с мощнейшими проявлениями этого соперничества, такими как японо-китайская и русско-японская войны, интерес для исследования представляют и локальные события. Данная статья посвящена анализу конфликтной ситуации, сложившейся в конце XIX — начале XX в. в восточной части Маньчжурии, где на левом берегу реки Туманная (кор. Туманган, кит. Тумэньцзян 图们江, или Тумыньцзян, рус. до 1972 г. Тюмень-ула, или Туманган, в старой рус. геогр. литературе Туманганг), в плодородной долине Нанган (её называли также территория Кандо) сформировалось значительное по численности корейское население. Статский советник Плансон, обращаясь к истории вопроса в 1907 г., отмечал, что «граница северной Кореи ещё со времён императора Канси была установлена по течению реки Тумыни, но корейские чиновники пытались присвоить название Тумынь не главному руслу реки, идущей от горы Пактусан (Пэктусан, или Байтоушань. — *Ред.*) на востоке, а затем впадающей в Тихий океан, а побочному рукаву, обозначенному на наших картах под именем Хайрам-ган (корейское название) или

---

* Нестерова Елена Ивановна, к.и.н, доцент кафедры истории и теории культуры ФК РГГУ, Москва, Россия; E-mail: blb1@mail.ru

Болохетун (китайское название). Спор этот долгое время имел лишь чисто академический характер, т. к. спорная местность, расположенная между двумя рукавами Тумыни и называемая островом Кандо, была не заселена. Но с 70-х гг. XIX в. корейцы и китайцы, привлекаемые необыкновенным плодородием почвы, стали там во множестве селиться. Китайские власти, никогда не допускавшие ни малейшего сомнения в принадлежности этой территории Китаю, притесняли корейское население, облагая его поборами наравне с китайцами. В 80-х годах корейцы жаловались в Сеул и просили прислать чиновника для заведования их делами, что было исполнено и в свою очередь вызвало протесты китайских, в частности гириных властей, в ведении которых находилась территория Кандо» [3, л. 168об].

Для решения проблемы неоднократно посылались смешанные китайско-корейские комиссии, но их работа ни к каким положительным результатам не приводила.

Для России вопрос о Кандо (кит. название Цзяньдао 间岛) из разряда теоретического перешёл в практическую область в конце 1900 г. Введение российского управления в ряде районов Маньчжурии в ходе подавления восстания ихэтуаней коснулось и Цзяньдао. С конца 1900 г. по середину 1901 г. Хуньчунское фудутунство (Хуньчунь 琿春, или в старом написании Хунчун; *фудутун* 副都统 — помощник генерал-губернатора. — *Ред.*) находилось под управлением пограничного комиссара Южно-Уссурийского края Е.Т. Смирнова. Эта мера была вынужденной, т. к. китайские чиновники после поражения китайцев под Хуньчуном 18 июля 1900 г. бежали. Управление осуществлялось через особые органы, сформированные из представителей китайских и корейских городских и сельских общин [4, л. 60]. Возглавил нанганское общественное управление китаец Яндашен. Пограничный комиссар отмечал, что в своей политике он «противодействовал наскокам корейцев на Нанган», руководствуясь обязательством держав, двинувших войска на боксёров, сохранять территориальную целостность Китая [4, л. 60об]. Отсутствием администрации воспользовались, как отмечал Е.Т. Смирнов, как местные, так и заграничные корейцы, жестоко «разграбившие китайцев, которым приходилось выдавать русские запасы хлеба для спасения от голодной смерти» [4, л. 60об].

В 1901 г. Е.Т. Смирнов был командирован в Сеул с секретным поручением. В это время в Сеуле китайский посланник Сюй Тайшэн и корейские министры при посредничестве российского посланника выработывали проект особого соглашения между Кореей и Китаем для установления прав корейских эмигрантов в приграничной полосе Маньчжурии. Для работы комиссии требовались статистические

данные о численности корейцев, которые и собрал Смирнов во время командировки зимой 1901–1902 гг. [4, л. 61].

Проект был одобрен корейским королём Коджоном, и китайский посланник отправил копию проекта на утверждение в Пекин [2, с. 54]. Не дожидаясь ратификации документа, корейская сторона в начале 1902 г. командировала в район Кандо корейского чиновника Ли Бо Мюна (в русских документах — Ипан Юн, Ли бен юн, Липомьон), но не в качестве простого счётчика для составления посемейных списков и исследования положения и быта корейцев под китайским управлением, а в качестве управляющего корейским населением Нангана. Однако, прибыв к месту назначения, Ли Бо Мюн не счёл нужным представиться пограничному комиссару и не прислал ему копий императорского указа, в силу чего не был допущен в Нанган и остался за рекой, живя то в Хорьене, то в Мусане. Позже он прислал чиновника с письмом, в котором сообщал о назначении его правителем и просил помощи у пограничного комиссара «при помощи русского отряда, стоявшего там». Но ожидаемой помощи он не получил.

В то же время корейское правительство взяло курс на поощрение эмиграции своих подданных в плодородный район Кандо: были отменены законы, запрещающие покидать пределы Кореи, прекратились репрессии в отношении родственников эмигрантов [2, с. 55]. В течение последующих нескольких лет Ли Бо Мюн, по мнению русских чиновников, «непрерывно волновал корейское население Нангана», получая финансовую поддержку как из Сеула, так и собирая деньги с нанганских корейцев. Иногда Сеул помогал ему оружием, иногда людьми — по сведениям пограничного комиссара, в налётах на Нанган принимали участие офицеры и солдаты Чоншенского батальона регулярной корейской армии [4, с. 62]. Военный комиссар Гиринской провинции М.А. Соковнин в начале апреля 1904 г. докладывал о том, что 24 марта около тысячи корейских солдат под начальством Ли Бо Мюна и двух полковников перешли Тюмень-улу, у Мусана заняли 4 выселка, раздали корейцам оружие, убили китайцев, трупы бросили в реку. Затем корейские солдаты раздали оружие окрестному корейскому населению. В результате этих действий, по сведениям Соковнина, на территории Маньчжурии находилось около двух тысяч корейских солдат и трёх тысяч вооружённых корейских крестьян. После этих событий Ли Бо Мюн возвратился в Корею. Соковнин на основании разведанных полагал, что цель корейцев — занять Нанганскую долину, выгнать китайцев и посадить там своего губернатора [3, л. 220].

В ответ на активизацию корейцев китайское правительство заявило протест, и гиринский *цзянцзюнь* (将军 — полководец. — *Ред.*) Фу отправил в Нанган *тунлина* (统领 — командующий. — *Ред.*) Худаньцзя с войсками и двумя горными орудиями для противодействия Ли Бо Мюну [3, л. 164 об.], параллельно обратившись к российскому консулу в Гирине с просьбой остановить Ли Бо Мюна, который «старается снискать себе расположение русских» и пользуясь этим, занять Нанган [3, л. 164]. Худаньцзя было поручено вступить в переговоры с Ли Бо Мюном и заставить корейцев уйти с китайской территории; если переговоры не увенчаются успехом, то воспрепятствовать дальнейшему продвижению корейских отрядов до выяснения вопроса по дипломатическим каналам [3, л. 220].

Политика Кореи в отношении Кандо спровоцировала кризис в китайско-корейских переговорах о статусе корейских переселенцев, и уже составленный проект договора был отвергнут Китаем [2, с. 59].

Начавшаяся вскоре русско-японская война нивелировала роль России как возможного посредника во втором туре переговоров. В 1904 г. во время русско-японской войны часть Чоншенского батальона и формирования Ли Бо Мюна были обезоружены начальником Посьетского отряда генералом Шунинским, так как были подозрения, что они могут действовать в интересах японцев. Китайские власти заявляли, что в отрядах Ли Бо Мюна японцев не было, но оружие корейцы получили именно от них [3, л. 220].

По иронии судьбы, патриот Кореи Ли Бо Мюн после русско-японской войны эмигрировал в Россию и жил в Новокиевке (где находилось управление пограничного комиссара) как политэмигрант, продолжавший бороться за независимость Кореи.

Как отмечает Л.В. Забровская, острый период споров между Кореей и Китаем о статусе Цзяньдао завершился в 1904 г. подписанием «Договора о новых пограничных размежеваниях и охране границы» [2, с. 60–61].

Обострение ситуации, и без того достаточно сложной, начинается с приходом в Корею японцев. По мнению В.А. Гайкина: «Контроль над долиной р. Туманган был необходим Японии по трём соображениям. Во-первых, Цзяньдао был стратегически важным районом. Идеологи японской экспансии называли его „чёрным ходом на материк“ (в отличие от Ляодуна, именовавшегося „парадным входом“). Через Цзяньдао проходил путь из Кореи в Россию. Вторым движущим моментом экспансии были плодородные земли области и её полезные ископаемые. В этом плане Цзяньдао суждено было стать сырьевым придатком Японии. И в-третьих, японцы, опасаясь превращения Цзяньдао в базу борьбы за освобождение Кореи, намерева-

лись пресечь антияпонскую агитацию и организаторскую работу патриотов среди корейского населения этого региона» [1, с. 154].

В феврале 1906 г. японское правительство учреждает должность генерал-резидента в Корее, и с этого момента начинается активная разработка Цзяньдаоского вопроса.

В июле 1906 г. генеральное резидентство командировало в Кандо для всестороннего изучения края в геологическом, этнографическом и экономическом отношении инженера Накаи. Исследование было проведено, но итоговый доклад опубликован не был [3, л. 169].

В сентябре командующий японскими войсками в Корее генерал барон Хасэгава, отправившийся с большой свитой военных специалистов для личного осмотра северной границы Кореи, обратил особенное внимание на стратегическое значение территории Кандо и в разговоре с корреспондентом японской газеты «Кеджо ниппо» сказал, что, по его мнению, «достаточно взглянуть на карту, чтобы видеть, что если морской берег принадлежит Корее, то несомненно, что и вся область до самых гор, а в том числе и Кандо, должны принадлежать Корее, иначе трудно допустить, говорил генерал, каким образом Китай, если он с давних пор владел Кандо, не продвинулся оттуда к морю» [3, л. 169].

В конце 1906 г. генеральное резидентство командует в Кандо Кокутоми, который по возвращении оттуда, кроме официального доклада, оставшегося также неопубликованным, сообщает на устроенном в его честь обеде в японском клубе некоторые интересные сведения по всем вопросам, которые он изучал на месте: о границах области, о живущих там корейцах и китайцах, главных городах и торговых пунктах края и т. п. Присутствовавший на обеде Накаи дополняет эти сведения данными о значении этой области для Японии, о торговле жителей области с русскими пограничными пунктами и крупными центрами Приамурского края, а также о путях сообщения, существующих между Кандо и приморскими портами.

С этого же времени Цзяньдаоский вопрос входит в актуальную повестку дня региональной прессы.

15 января 1907 г. пиньянская газета «Хейджо симпо» сообщила своим читателям, что этот вопрос «должен быть решён в самом ближайшем будущем, т. к. он имеет громадное значение для Японии. Помимо того, что область Кандо богата продуктами земледелия и горными ископаемыми, в том числе золотом, она имеет для нас важное стратегическое значение. Россия собирается хотя бы через 10 лет нанести удар Японии и отплатить за утраченное ею могущество на Дальнем Востоке. С этим вопросом мы должны счи-

таться и заблаговременно подумать об обеспечении себе базы против вторжения России» [3, л. 169об].

29 марта осакская ежедневная газета, отмечая богатство области Кандо природными ресурсами, советовала направить туда японских эмигрантов. «Ибо там каждый найдёт применение своему труду и специальными знаниями». Далее, припоминая прежнюю деятельность в этой местности России, посылавшей туда топографов и торговцев, и опасаясь, что русское влияние не вполне ещё уничтожено, замечает, что такое положение вещей не может быть допущено, после тех жертв, которые Япония понесла в минувшую войну для достижения преимущественных прав на Дальнем Востоке. «На область Кандо должно быть поэтому обращено особенное внимание японского правительства, причём вернейшим способом усиления здесь японского влияния было бы сооружение путей сообщения. Главным из таких путей должен быть путь от порта Чончжин на Тихом океане через Хойрен и Тонхуа на Гириин. Сооружение в этом направлении железной дороги имело бы громадное значение для Японии, она служила бы кратчайшим путём из Японии в Маньчжурию и Россию и дала бы возможность скорее всего усилить влияние Японии не только в Кандо, но и в Северной Маньчжурии» [3, л. 170].

Таким образом, к 1907 г. отчётливо вырисовался комплекс мер, предпринимаемых Японией для закрепления в Северной Маньчжурии, где район Кандо рассматривался как стартовая площадка:

- 1) усиление экономического и военного присутствия в Кандо;
- 2) формирование общественного одобрения подобной политики;
- 3) переговоры и консультации в Пекине об историческом праве Кореи на этот район.

Усиление активности Японии в Маньчжурии и Корее вызывали настороженность со стороны России. Информацию о положении дел собирали чиновники разных ведомств — дипломатического, военного, внутренних дел. Архивные фонды изобилуют призывами к чиновникам разного уровня и разных ведомств не только держать ситуацию в обозначенных регионах и на русско-корейско-маньчжурской границе под постоянным контролем, но и обмениваться сведениями. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, обращаясь к военному губернатору Приморской области, писал: «Современное политическое положение сопредельных с нами государств вызывает необходимость постоянно быть в курсе дел на нашей корейско-маньчжурской границе» (письмо от 13.01.1907; [4, л. 8об]). Между тем, сетовал Приамурский генерал-губернатор, он остаётся в неведении, т. к. ни от военного губернатора Приморской области, ни от

пограничного комиссара Южно-Уссурийского края подобного рода сведения не поступают.

Сбор о ситуации в Цзяньдао активно вёлся российскими дипломатами. Генеральный консул в Мукдене А. Грушецкий сообщал, что 14 сентября 1907 г. на обед в генконсульство были приглашены китайские чиновники Тан Цяо (бывший помощник полицмейстера Гирина, на тот момент начальник штаба генерала Чэн(ь) Чжаочана) и Сюй. Во время приёма шёл разговор относительно Цзяньдао. Тан сообщил, что, во-первых, такого места не существует, есть небольшой остров на реке Тумыни, который называется Гуцзяньдао, но его размеры незначительны: около версты длины и полутора ширины, между тем земли, занятые корейцами на левом берегу Тумыни, тянутся на значительном пространстве вдоль реки в различных местах и входят в округ Яньцзитин или Яньцзичан, лежащий на запад от Хуньчуня у крайнего северо-западного угла корейско-китайской границы [3, л. 155–155об]. Тан считал, что решение этого вопроса — прерогатива правительства.

По мнению Тана, принадлежность этой земли Китаю бесспорна, и никакие позднейшие перемены в политическом и международном положении Кореи не могут иметь влияния на права Китая на эту местность, и китайское правительство не допустит вмешательства Японии в его отношения с местными корейцами.

По словам Тана, «Яньцзичанские власти по данным им инструкциям официально объявили местному населению о незаконности появления там японских властей и всех сделанных ими распоряжений. На спорном месте находится теперь 1300 китайских солдат» [3, л. 155об–156].

Помимо дипломатических каналов и профессиональной военной разведки информацию о положении дел в сопредельных районах Китая и Кореи регулярно получали от разведчиков (тайных агентов), отправляемых из Новокиевки пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края. До лета 1908 г. маршрут следования разведчиков, как правило, включал в себя приграничные пункты как Кореи, так и Китая и утверждался исходя из конкретных обстоятельств, однако мог быть изменён уже в ходе «путешествия». Пограничный комиссар Южно-Уссурийского края Е.Т. Смирнов в ноябре 1907 г. докладывал, что посланный в Маньчжурию агент (кореец) из опасения захвата японцами отправился в г. Хуньчунь кружным путём через д. Верхнее Янчихэ, откуда прошёл на д. Тудагоу, находящуюся в лесистых горах по левую сторону р. Хуньчунь-хэ. Из д. Тудагоу прошёл в Хуньчунь. Из Хуньчуня агент прошёл в корейский город Кевон, затем Чоншен. Переправившись через Тюмень-улу на китайскую территорию, агент

прошёл в селение Титхасо, а затем в местность Нен-чен-хон. Оттуда путь разведчика лежал в Хорьен.

К осени 1908 г. ситуация осложнилась, японцы поставили под свой контроль нелегальные переходы и тропы, ведущие в Корею. «Посылать тайных агентов в пределы Кореи оказалось совершенно невозможным. Корейцы боятся японских казней; а русских нет, да их японцы и не пускают дальше пограничных городков», — писал в сентябре 1908 г. пограничный комиссар Южно-Уссурийского края [4, л. 92]. Поэтому с этого момента вся разведывательная деятельность, курируемая пограничным комиссаром, сконцентрировалась на Нангане.

Информацию агенты получали путём наблюдения и расспроса знакомых местных жителей. Разумеется, качество полученной таким образом информации не всегда оказывалось на высоте. Отсутствие достаточного бюджета значительно осложняло разведывательную деятельность пограничного комиссарства. Так на 1908 г. было выдано 150 рублей. «Не имея денег, я обхожусь мало толковыми корейцами (из инсургентов), между тем желательно иметь агентов из русских, но они не поедут за 50–80 рублей, как то делают корейцы, из удальства и ненависти к японцам рискующие головой», — докладывал пограничный комиссара Приамурскому генерал-губернатору [4, л. 96об].

Летом 1907 г. Япония ввела в Цзяньдао части жандармерии, разделила район на четыре округа и стала учреждать свои консульские представительства. Всё это делалось под лозунгом защиты прав корейских эмигрантов [2, с. 62].

По данным разведки, полученным в конце лета — начале осени 1908 г., положение японцев в Нангане было довольно прочным. Японцы прилагали усилия для того, чтобы заручиться поддержкой нанганских корейцев. Для этих целей ими было создано отделение организации Ильчинхве (в русских документах называется «Ир-чинхой»). Разведчики оценивали численность этой организации в Нангане в несколько сот человек. По сведениям, доставленным разведчиками, в общество в основном вступали недавние мигранты, покинувшие родину по разным причинам, в том числе «бежавшие сюда от преследования инсургентов, приговоривших их на родине к смертной казни» [4, л. 92об].

Из членов организации японцы стали формировать параллельную китайской систему управления, назначая в корейские сёла и деревни старшин и старост, а также вербуя сельских полицейских, часть из которых вооружили саблями и револьверами [4, л. 92об].

«Эти приверженцы японцев особенно сильно притесняют народ, который боится обращаться с просьбами о защите к бессильным и продажным китайским властям» [4, л. 92об].

«Японцев в сел. Людагоу и в других более людных селах Нангана набралось довольно много, и они живут теперь в полной безопасности, опираясь на китайские власти и войска, на японских жандармов и вооружённых членов общества „Ир чин хой“. Корейцы говорят, что в числе японцев много запасных солдат на маленьком жаловании в случае надобности обязанных немедленно по первому призыву явиться на службу... много японцев решительного ничего не делают, ничем не занимаются и зачем они тут живут и на какие средства — неизвестно» [4, л. 92об–93].

10 сентября 1908 г. была опубликована «Памятка корейца Цзяньдао», включавшая следующие пункты: 1. Корейцы, живущие в Цзяньдао, находятся под защитой отделения... 4. В случае появления в деревне неизвестного лица или мятежника необходимо сообщать об этом в жандармский участок. 5. В случае притеснения китайских властей или несообразно больших налогов корейцы просят защиты у отделения. 6. Корейцы без разрешения отделения не должны устраивать собрания, создавать организации. 8. Корейцы Цзяньдао ни при каких обстоятельствах не могут потерять корейское гражданство [1, с. 155].

Однако ситуация в одночасье резко изменилась. В октябрьском донесении пограничный комиссар сообщал, что нанганские корейцы всё-таки пожаловались китайским властям. Последние, прибегнув к помощи армии, «схватили всех выдающихся главарей общества, подвергли их жестокому наказанию, били, у некоторых поломали руки и ноги и посадили в тюрьму. Такими решительными мерами нанганский отдел общества „Ир чин хой“ уничтожен. Многие члены его бежали из Нангана в Хунчунский округ, но их выслеживают и беспощадно избивают всюду рассыпанные корейские инсургенты. По слухам, до десяти человек схвачены и казнены в Савёловском районе близ русской границы, они хотели пробраться в русские пределы» [4, л. 95а]. Японская сторона заявила протест китайскому правительству.

«Китайские власти активно сопротивлялись утверждению в Цзяньдао японцев. В 14 важных населённых пунктах были созданы прокитайские административные органы. Количество китайских войск в регионе увеличилось с 1400 до 4300 (численность японских жандармов с 1907 по 1909 гг. возросла с 50 до 200 плюс 63 корейских полицейских). Между японскими жандармами и китайскими

солдатами изредка происходили столкновения с немногочисленными жертвами» [1, с. 156].

Параллельно пусть и с большими сложностями, но шли переговоры. Точку в вопросе о территориальной принадлежности Цзяньдао удалось поставить 4 сентября 1909 г. подписанием договора, подтвердившего права Китая на этот район.

Таким образом, можно констатировать, что в этом конфликте интересов Россия поддерживала Китай. Однако если до русско-японской войны обе стороны были заинтересованы в российской поддержке и готовы были использовать помощь российских дипломатов как посредников на переговорах, то после русско-японской войны влияние России было минимизировано.

Источники и литература

1. *Гайкин В.А.* Проект «Туманган»: из прошлого в будущее (к столетию проекта «Туманган») // Ойкумена. 2008. № 2. С. 153–157.

2. *Забровская Л.В.* Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ (на примере китайско-корейских отношений в XVII–XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2000. 92 с.

3. АВПРИ. Ф. 188. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 821.

4. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 10.

E.I. Nesterova*

Russia's Position on Jiandao (Nangan) Dispute in the End of XIX — Early XX Century (Based on Materials of Archive of Foreign Policy of the Russian Empire)

ABSTRACT: The article presents the analysis of the Russia's position on the territorial dispute between China and Korea in Jiandao (Nangan).

KEYWORDS: Nangan, Jiandao, Russian-Chinese relations, Korean-Chinese relations, Japan, territorial dispute.

* Nesterova Elena Ivanovna, PhD (History), Associate Professor, Department of History and Theory of Culture, Federal State University for Humanities, Moscow, Russia; E-mail: blb1@mail.ru